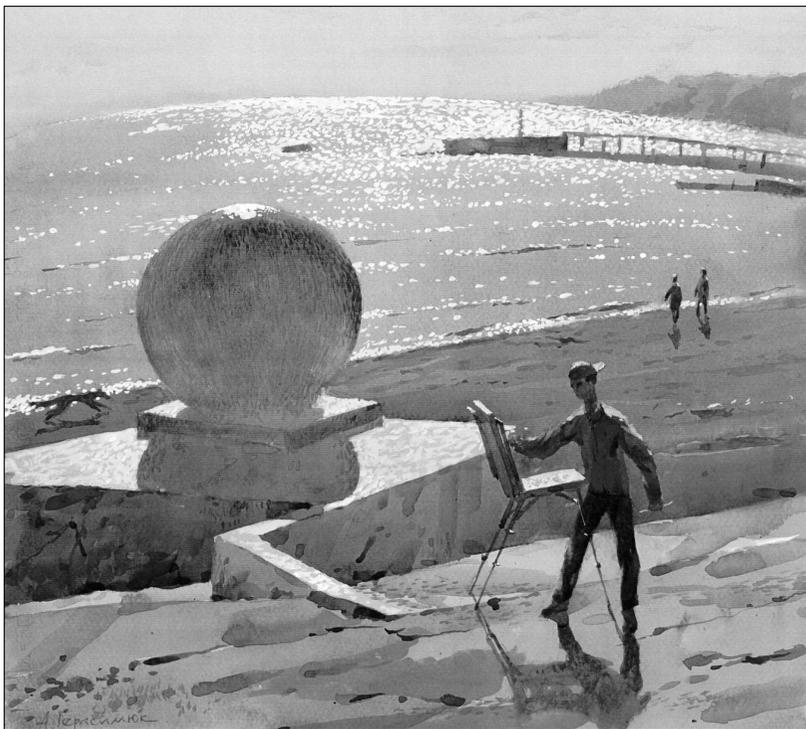

"И откроется море..."

Но куда оно откроется, предстоит нетерпеливый задыхающийся бег "мимо грядок, оградок, ларьков, пионерлагерей, мимо редких дверей в нескончаемом дачном заборе, мимо пыльных акаций на каменных плитах" (цитата из Юрия Михайлика). Так пробивается сквозь липкое знойное марево летом, сквозь обвал осенней листвы осенью — к простору, воле, гипнотизирующему горизонту, завораживающим грядам облаков, — поэт. На одном срывающемся дыхании. Так выбирается из запыленных и цепких каменных десниц художник.

В изысканных акварелях Андрея Герасимюка, впрочем, никакого вульгарного надрыва, никакого демонстративного надлома не ощущается: ему милы эти пожившие камни, на которые он ступает уважительно, бе-

режно, нежно. Приземистые замшелые домишки, печально прищурившиеся подъезды, обветшавшие дворовые галереи, выветренные известняковые стены, обрамляющие вечнозеленое, нестареющее море. Оно, море, вдоволь насмотрелось на величие здешних античных полисов, генуэзских факторий, польско-литовских замков, турецких твердынь... Пришел черед расщепления патриархальной Одессы времен полуфантастического порто-франко... И это пройдет...

В начале 1990-х заметил работы Андрея на братской выставке молодых художников. А тогда ведь как было? Оригинальничали, прямо скажем, оголтело, необузданно. Перестроечная паровозная мода эпатировать еще не улеглась. Никакой тебе цензуры. Кроме личной, частной и эксклюзивной — как вам больше понравится. А если называть вещи по именам, получится тест наличия вкуса. Или, разумеется, отсутствия его. Герасимюк этот тест прошел. Без суеты, без поспешности, без торопливости. Без изобретения новой окраски старых геометрических фигур и прочих модернизированных велосипедов. Просто делал деликатные и характерные свои акварели. Не только неизменно удачные марины. Являлось все больше безгласной, но столь трогательно информативной "уличной фурнитуры": покосившихся ворот, по-стариковски полусонных парадных, уединенных дворики, выщербленных ступеней, искрошенных стен. Всего того, что, собственно говоря, и составляет фон индивидуальной биографии и коллективной судьбы.

"Невыразимая печаль открыла два огромных глаза..." Герасимюк печалится мудро. Сострадание его не перетекает в рыдание, граничащее с истерикой. Отраженное его работами солнце в самом деле светит всем. Озаренные мягким светом руины излучают радостное смирение. Я не оговорился: смирение может быть радостным. Попытки жить вопреки законам мироздания, подгонять по своему индивидуальному размеру, подминать под себя "леса, поля и горы", печальны сами по себе. Можно любоваться распадом и даже самораспадом — всем тем, "что пришло процветать и умереть". И с этим можно жить. Можно жить счастливо, достаточно. Как живет все еще молодой художник Андрей Герасимюк. "И откроется море. Дыханье. Сиянье. Таласса".